

каждой кафедральной школе одним учителем, возможно — в одной школе для всей Франции, а может быть, и в одной школе для всей Церкви; философам не должно быть более позволено трактовать теологию, а теологам — без конца рассуждать перед любой толпой; наконец, члены Ордена францисканцев и другие перестанут подниматься все вместе, едва затронута мнение одного из них. Не философы, а вера, надежда и любовь утешают сердца и перевязывают раны Церкви. «Jesum imitari, imitandus est Jesus factus nobis a Deo sapientia»* — вот францисканские темы, которые канцлер Парижского университета вводит в обиход и к которым после него не перестанут возвращаться. В последние годы XIV века мощная теологическая реформа, берущая начало из принципов XIII столетия, явно утратила творческую силу. В далеком прошлом у его истоков стоит платоновское «Утешение философией» Боэция; в 1418 г. «Утешение теологией» («Consolatio theologiae») Жерсона знаменует ее конец.

Для того, кто смотрит на эту реформу с точки зрения чистой философии, положение представляет собой совершенно другую картину. Направлениям, заданным в XIII веке, продолжают следовать на протяжении всего XIV века — с разным успехом, но всегда не без пользы. В мистике Экхарта раскрыты все следствия неоплатонических элементов учения Альберта Великого, значительно усиленные влиянием Прокла; они же подготавливают метафизику Николая Кузанского. То-

мизм сформировался в отдельную школу, Но уже из того, как говорили о св. Фоме те, кто следовал ему в различных направлениях становилось очевидным, что это учение занимает отныне свое отдельное место, которое оно, по мнению Эразма, сохранит и в XVI веке, а с того времени — уже навсегда. Представляется совершенно истинным факт, что из тех, кто в XIV веке был приверженцем томизма, никто в подлинном смысле не продолжит учение основателя. Самое новое и глубокое в его мысли, скопившееся в массе работ, сохранится в этой массе, отнюдь не продолжая творчество учителя. Напротив, учение Дунса Скота, имеющее не столь давнее происхождение, предстает в состоянии непрерывной ферментации, ставя новый опыт и строя метафизику сущностей и форм, не питая иллюзий относительно своих возможностей соединиться с теологией, но приверженцы этого направления убеждены в своей способности извлечь из первопринципов разума все то, что только естественный свет может охватить с помощью концептов. Это дело отдаленного будущего, если верно, что он продолжится в трудах Суареса, а может быть, и Вольфа**, которым принадлежит сомнительная честь представлять метафизику перед лицом Канта и погрузить последнего в тот догматический сон, от которого его пробудит Юм.

Так что Юм уже жил в XIV веке, или, по крайней мере, жил тот дух, которым вдохновлялась его психологическая критика. Естественно, весьма неразумно без конца говорить о нем применительно к средневековым теологам, творчество которых совершенно иное, нежели его, но отказаться произнести это имя по поводу текстов Оккама, постоянно о нем напоминающих, означало бы заблуждаться по поводу очевидных фактов. История должна уметь в каждом случае выделять необходимые различия, не запрещая констатировать, что перерабатываемые на протяжении веков человеческими доводами, структура которых одинакова, одни и те же принципы порождают одни

7. Жан Жерсон и итоги XIV столетия

и те же выводы. Без сомнения, все эти однажды установленные расхождения между разными доктринами, столь отличными от общепринятых мнений, показывают, что в них